

на затруднительность правил, как он обязан владеть языком, несмотря на грамматические оковы»¹¹. Здесь первоначально было: «повиноваться наружно» — совсем иной смысл, т. е. вопрос тактики и т. п. Теперь опять же высказыванию придается принципиальное обобщающее звучание.

Оба приведенные рассуждения Пушкина имеют прямое отношение к задаче разработки классического национального стиля. И в полном своем объеме оба они, в особенности второе, как бы превращают монолог-обращение Маяковского «Юбилейное» в диалог.

В этом исключительно программном (как позднее «Домой!») и вместе с тем действительно вдохновенном стихотворении Маяковский особо выделяет целенаправленность обращения:

Мне
при жизни
с вами
сговориться б надо... (6, 51)

и уверенно внушает Пушкину:

Вам теперь
пришлось бы
бросить ямб картавый... и т. д.

Пушкин словно отвечает: необходимо «повиноваться принятым обычаям в словесности», как «законам языка» и освоенным «грамматическим оковам», прибавляя, под стать полемическому тону своего «собеседника» и оппонента, что «нет ничего смешнее» перемены принятых правил.

Спор о «ямбе картавом» происходит ровно через столетие после закладки основ классического русского стиля. «Принятые обычаи» и «законы», воспринимаемые подчас как «оковы», — это уже результаты пушкинских революционных преобразований. Маяковский пытается «сговориться» с классикой, творчески перспективно начиная «сговариваться» в последние годы. Контакты поэта с классическим наследием, в том числе и в стилевом плане, многократно рассматривались нашим литературоведением, однако эволюция поэтического метода и стиля Маяковского и приоткрывшиеся в них перспективы позволяют поставить вопрос шире. В движении к сжатию экспрессии, к интенсивной выразительности общедоступного образа («хочу быть понят...»), в растущем уважении к искусству «владеть своим предметом», в учении «законов» как условия «понятости» — во всем этом переключка с существенными сторонами литературного развития на классической его стадии.

Думается и известные два стиха, все более популярные:

Но я
себя
смирял,
становясь
на горло
собственной песне
(10, 280—281)

кроме общепризнанного, печального и драматического, могут иметь и более оптимистический смысл, если исходить из контекста. Откровенное признание это затуманено не только по настроению, но и по содержанию. Ясно одно: поэт не ждет легкого успеха, быстрого признания и, как следствие этого, прямых выгод на том пути, где надо сознательно обуздывать, «смирять» привычные эстетические склонности, на пути, который он предпочел. Очевидный момент жесткого самоограничения, самодисциплины, энергично здесь заявленный, может означать и отход от экспрессионистских излишеств, и шаги в направлении классики.

¹¹ Пушкин А. Полное собрание сочинений..., т. 11, с. 66.